

Владимир
Хотиненко:

«Внутренний
ГОЛОС сказал
мне:
если не крещусь —
пропаду!»»

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» Владимира Хотиненко, режиссера множества известных и любимых зрителями фильмов, таких как «Бесы», «Достоевский», «Поп», «Мусульманин» и многих других.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: По традиции нашей программы я хотел бы в начале вас попросить представиться самого. Ну, не в том смысле, что вас кто-то может не знать, а вот что бы вы хотели о себе сообщить, такую предельную идентичность, если угодно.

Хотиненко: Предельная идентичность простая-простая: Владимир Хотиненко, кинорежиссер.

Фото Владимира Ештокина

Страдание — очевидное, но вовсе не единственное условие обретения веры.

Если человек хочет привести в порядок тело, он занимается им, ходит в фитнес, практикует правильное питание. Некоторые добиваются того, что управляют потом мышцами. А что такое дух, душа — это отдельный вопрос. Знаете, я люблю историю, которая есть у меня в фильме «Мусульманин». Про двух женщин, которые превзошли в святости великого святого отшельника тем, что за всю жизнь худого слова друг другу не сказали. Попробуйте проделать такой эксперимент в течение дня, недели. А когда это всю жизнь? Куча людей прошли каторгу, и никакой святости у них не появилось. Но если ты пронизан любовью и простотой, как эти две сестры, — это тоже метод.

Восьмидесятые годы, веду жизнь достаточно свободную, разгульную, яко, в общем, совершаю глупости — на следующий день о них вспомнить стыдно.

И вдруг у меня в голове звучит: если не крещусь — пропаду. Еще не было веры. И как раз все складывалось вроде бы слава Богу. Не скажу, что я испытал потрясение. Но я поверил этому внутреннему голосу. И потом, в этот момент меня обуяла какая-то тоска. На курсах была женщина, Валентина, которая потом стала монахиней Елизаветой. Я к ней обратил-

ся, и она привела меня в церковь Знамения на Рижской. Настоятелем там был тогда протоиерей Владимир Рожков, совершенно замечательный человек. И я крестился. Как будто спросил дорогу, и мне сказали: иди туда. В этом не было никакого озарения. Более того, Валентина предупредила: «Ты проснешься утром — тебе же рано надо идти на литургию, — и тебе покажется, что это глупость, что не надо этого делать: зима на дворе, куда идти? А потом, скорее всего, ты заболеешь. Всякие искушения будут». Я проснулся и действительно с трудом себя вытащил из постели, а потом на неделю заболел дичайшей ангиной. Это было для меня каким-то свидетельством того, что я не зря это сделал, что в этом есть смысл.

Я сначала не очень часто ходил в церковь, может, раз в месяц.

Но вдруг, когда был большой перерыв, я почувствовал, что не могу, как будто с меня защитная краска облупилась. И с тех пор, если по разным причинам я не хожу в храм, у меня абсолютно физическое ощущение истонченности какой-то защиты. Сейчас я много знаю: я знаю службу, я знаю правило, я много прочитал, много снял. Хотя я даже не знаю, как далеко нахожусь сейчас от цели. Может, дальше, чем тогда. Но я никогда не сомневался, что Бог есть. Я просто вообще никогда не задавался таким вопросом.

Кадр со съемок фильма
«Паломничество к Вечному городу».
Фото Юрия Ермолина

Всякий нормальный человек боится смерти.

Это же величайшая тайна, и, дай Бог, она всегда такой останется. Что бы ни рассказывали люди, испытавшие клиническую смерть, это все равно тайна. Самая великая тайна. Без нее нет веры. Моя любимейшая история: монаха спросили, боится ли он смерти. Он подумал и сказал: «Не боюсь, робею». У кого-то страх панический, у кого-то достаточно рациональный. А я иду, бывает, по улице, и вдруг пробивает: вспоминаю, что я совершил что-то паскудное, непотребное. Давно. Лет 20, а может, 25 или 30 назад. И стыдно... А ведь что-то даже забылось. Но боюсь, человек все равно здесь опирается больше на физиологическую составляющую. Ведь надежда прожить дольше — это так естественно. Хотя, как правило, люди прожившие достаточно долго, устают. Ну, мы верим, что спасемся. А что такое — спастись? Мы ведь не знаем. Человек легче верит в ад...

Представление о рае как о нудном, скучном коммунизме — это ведь распространенная точка зрения.

Человек не так часто испытывает благодать, иначе он сошел бы с ума. Его вдруг охватывает

некий восторг, и он как будто растворяется, взлетает... Невозможно испытывать это постоянно. Но такие моменты часто бывают, когда слушаешь музыку — словно ангелы поют. Не в живописи, не в кино, а именно в музыке. Она точнее позволяет нам почувствовать, что это такое.

Это важно — умение человека терпеть физическую боль.

Не всякий это может, у разных людей разный болевой порог. Думаю, поэтому многие воспринимают терпение негативно. Кстати, терпение и терпимость разные вещи. Терпимость — это приобретенное, то, чему тебя научили: надо быть терпимым, толерантным и так далее. А терпение — это умение ждать, умение понимать. Это очень важный момент.

Первый вопрос, который я задаю студентам: «Какое качество самое важное в профессии режиссера?» И иногда — редко — они угадывают. Но чаще называют все что угодно. А я говорю: «Терпение. Если вы не выработаете в себе этого качества, то работать вам будет тяжело, либо совершенно невозможно». Но терпение для чего? Чтобы перетерпеть навалившиеся на тебя тяготы, проблемы, этот странный, разрушающийся, осыпающийся, как в фильмах ужасов, мир. Чтобы не разочароваться. Не впасть в уныние, оттого что пропали все смыслы. Уныние убьет все абсолютно. Поэтому это самый большой грех. ➔

Кадр со съемок фильма «Поп».
Фото ТАСС

Были разные идеи тем или иным образом сделать человека счастливым.

И все религии на этом строятся — в этом нет ничего худого. Понятно ведь, человеку прежде всего нужен какой-то смысл. Ну не может он бессмысленно существовать, в иллюзиях, как наркоман. Но это же не означает, что каждому человеку можно сформулировать: вы знаете, ваш смысл — построить дом, посадить дерево и родить ребенка...

Легойда: А у вас в жизни были ситуации, когда вы не смогли простить?

Хотиненко: Слава Богу, нет. У меня даже выражение такое есть: «Не обижайся, а делай выводы».

Это тоже что-то сродни музыке. Но опираться это должно на вещи достаточно простые: найти любимую работу, найти любимого человека.

Тогда твоя жизнь будет наполнена смыслом. К сожалению, все это сегодня подменено стремлением как можно быстрее стать побогаче и хорошо бы и не работать. И все!

Я встречал столько замечательных счастливых людей.

Недавно видел: в одном документальном фильме героиней была женщина-крановщица. Красавица. Абсолютно честная, не лукавит ни секунды. Рассказывала, как пережила в кабине высоченного крана ураган. Или сестры милосердия, женщины, которые ухаживают за болящими, выносят за ними горшки... Я спрашиваю себя: а я смог бы так? И не знаю. А это ведь тоже жизнь. И если бы в этом не было смысла, за этими людьми ухаживали бы роботы.

Мне рассказывали чудовищную историю.

Молодой парень, хороший такой мальчишка, и его подруга сели рядом на диван и стали друг с другом переписываться. Не то что каждый в своем там чате, а именно друг с другом. Страшно. И я вижу результаты, это же не может пройти бесследно. Про это Тарковский давным-давно писал: мы становимся рабами техноло-

гии. Сокуров про это много говорит, я про это постоянно говорю. Мы на самом деле рабы. Мы теряем человеческую природу. Но тогда зачем все это, если мы потеряем свою человеческую природу, с плотью и кровью? Тогда все бессмысленно.

Для меня принципиальный вопрос — буквально понимать то, что написано в Писании.

Как вопрос Достоевского: «Вы верите в Непорочное Зачатие?» Если человек начинал мямлить: да, в определенном смысле, — он терял для него интерес. Так и здесь. Если верить в Писание, нужно хоть как-то по этому руководству жить. Да, порой и заставлять себя приходится. У меня много есть очень наивных правил. К примеру, Великим постом нецензурно не выражаться. Ну, есть задачи, казалось бы, простые. Но оказывается, выполнить их очень трудно.

Я бы посоветовал всем перечитать вот эту сцену у Тихона в «Бесах» Достоевского. Там очень много из того, о чем мы сейчас говорим, глубоко и точно описано. И о вере, о силе веры, и о безверии, о том, что в беса верю, а в Бога не верю. И о том, что такое покаяние. Ведь Ставрогин пытается покаяться. Даже опубликовать свою исповедь где-то в Европе, вынести ее на всеобщее обозрение. Опубликовать свой грех, как в Интернете. А вообще эта сцена — она о терпении, о прощении.

Вроде бы себя мы так или иначе все равно жалеем, любим и готовы простить.

Но, если по большому счету, это, наверное, самое сложное. От этого люди очень часто в петлю лезут, если глубоко проникнутся трагизмом совершенного. Нам бы еще понять, что такое покаяние. Это же не произнесение каких-то слов. Тут без твоего старания невоз-

можно. Меня когда-то потрясла история отречения апостола Петра. Фантастически важный момент для понимания христианства. Ведь это человек, которому потом будут вручены ключи от рая.

Я во всех версиях читал эту евангельскую историю, этот момент отречения от Христа. Я даже не знаю, для чего это делал. Как лекарство какое-то принимал. ...И закричал петух... Я не знаю этого человека... Любишь ли ты Меня?.. Люблю... Каждый раз вспоминаю, и мурашки по коже. Почему это удивительно замечательно? У нас два первоверховных апостола: простак Петр и интеллектуал Павел. Две стороны медали, разные пути. Я творческий человек, и поэтому эта сцена, она у меня постоянно крутится в голове...

Я раза три-четыре убежал из дома.

Я вообще был хулиганистый. Вот такой парадокс: я же был круглым отличником, и в школе просто с ума сходили — это было несоединимо: либо хулиган, либо это. Однажды мы с пацанами убежали, но не успели далеко уйти. Сидим в кустах, и идет мама — мы тогда жили в частном доме, и за водой надо было ходить на колонку. И вот идет мама, какая-то задумчивая — она такая красавица была замечательная, умница — идет, о чем-то думает, а в ведрах вода — плюх, плюх, и пыль, капельки помню, как сейчас. И она в домашних тапочках. Я не знал тогда понятия «крупный план», но я вдруг крупно увидел, как вода плещется ей на дырявый тапочек, пыль... И я заплакал. И вернулся. И они даже не узнали, что я пытался убежать из дома. А я сидел, плакал и думал: что за глупость, хорошо, что никто не видит. Я так ее любил в этот момент! Слава Богу, Он дарил мне такие возможности что-то про себя узнать. И плохое, и хорошее. **Ф.**

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Не прекращается дискуссия, выносить ли тело Ленина из мавзолея. Где вы поставите точку во фразе: «Спешить нельзя ждать?»

Хотиненко: Спешить. Нельзя ждать.

Фото Владимира Ештокина

Смотрите полный выпуск «ПАРСУНЫ» с участием Владимира Хотиненко по этой ссылке:

